

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 2 (42)

15 января 1945 года

№ 2 (42)

СОДЕРЖАНИЕ:

Германское наступление —
Полковник Н. В. Пятницкий

★

Рождественское послание Ми-
трополита Анастасия

★

Исторические очерки Дона
(продолжение) — П. Н. Крас-
нов

★

В Первой Казачьей (продолже-
ние) — А. Яганов

★

Стихотворения А. Задорожно-
го и Андрея Ф.

★

На Казачьей Земле — Полков-
ник Лукьяненко

★

Мы куем кадры (продолжение)
— В. Никонов

★

Фаланга (окончание) — Татья-
на Левшина

★

В бурю рожденные — Карл
Курт Гампе

Рождественский прием делегации Добровольческих частей у Райхс-
министра д-ра Геббельса. — На снимке: министр пожимает руку
представителя Школы юных казаков

Адрес редакции: „Kosakenposten“ Ф. Р. № 02306

Издательство
Октябрьской революции
и соц. строительства
Ф. Р. № 02306 3 2400

Германское наступление

Англо-американская пропаганда уже давно обманывает западно-европейское общественное мнение и свои народы, утверждая, что Германия, будто бы, находится в положении последнего истощения, что немецкая армия уже не только не способна к каким-нибудь активным действиям, но что она вплотную стоит перед необходимостью полной безоговорочной капитуляции.

Солдаты «союзных армий» впитали в себя внушаемую им этой лживой пропагандой мысль о том, что поход в сердце Германии будет лишь легкой «военной прогулкой», после которой наступит уже близкий конец войны.

Государственные деятели США и Англии поэтому, не считаясь ни с чем, обнаруживают перед всем миром свои алчные вождельства раздела Европы и полные кровожадности планы конечного разрушения Германии и физического уничтожения германского народа.

Германская стратегия в течение очень долгого времени придерживалась чисто пассивного образа действий, производя сложный и продолжительный отходный маневр к более коротким фронтам для концентрации основных сил у границ своего государства. К этому приводили следующие соображения:

1. Противник за 5½ лет войны подготовил превосходные силы, против которых борьба на растянутых фронтах периода первой половины кампании, была невозможна.

2. Партизанщина, служившая большой помехой на огромных территориях СССР, на Балканах и во Франции, могла быть избегнута только оставлением занятых областей этих государств.

3. Измена и предательство итальянского, румынского, болгарского и финляндского правительств вынуждало эвакуировать земли этих правительств.

4. Военно-промышленная мощь врагов Германии исключала какую-либо возможность конкуренции с ними со стороны немцев в этом отношении.

Германия должна была перейти на борьбу совершенно новыми видами вооружения. Поэтому весь германский военно-промышленный аппарат был отдан для фабрикации новых средств войны. Для этого было нужно время, а для его выигрыша пришлось перейти к трудным затяжным боям, в которых сильно растрчивалась бы боевая мощь противников Германии. Наиболее действительным средством такого рода могла быть, опять таки, только оборона, выявляющая наиболее полное использование губительности огня современного оружия.

Все эти причины и их следствия и были истолкованы противниками немцев, как симптомы уже наступившего конца боевой мощи Германии. У англо-саксов началось то «головокружение от успехов», которого так трудно избежать победителям отдельных фаз войны, но которое неизменно приводит, с одной стороны, к губящей переоценке своих собственных возможностей, а с другой, к чрезвычайно опасной недооценке сил противника в их целом.

Именно это и случилось с англо-американским командованием. В то время, как оно беспечно готовилось удвоить усилия под Аахеном и Страсбургом, нагромоздив невиданные стоки военного снабжения и материалов в этих районах, забыв даже думать о возможности германского контр-удара, германское верховное командование с чрезвычайным искусством подготовило и мастерски осуществило этот неожиданный для англо-американцев контр-удар.

Активность Германии на Западе

Первое, в чем сказалась вся неожиданность германского наступления на западе, было, как это ни удивительно, почти полное отсутствие англо-американских оперативных резервов на западно-европейском театре войны. Американскому командованию пришлось их составлять из дивизий, действовавших на других, до того активных участках фронта, преимущественно из под Аахена, или из Эльзаса и Лотарингии, где им пришлось прервать наступление и перейти к обороне.

Второе, неожиданное для американцев явление, сказалось в том, что германская авиация вдруг вновь завладела оперативным господством в небе, вопреки повсюду установившемуся взгляду на бесспорно подавляющее авиационное превосходство англо-американцев в воздухе на всем европейском театре борьбы.

Наступление немцев началось в 5 часов 30 минут 16 декабря после короткой, но исключительно мощной огневой подготовки.

С начала оно производилось между высотами Гохес Фенн, у Моншау и северной границей Люксембурга, потом, распространившись к югу, до центрального Люксембурга, у Эхтернах. Таким образом, исходное положение германского наступления измерялось по фронту до 85 км.

Все предшествовавшие операции группировались либо у Аахена на подступах в Рурском районе, либо в Эльзасе и Лотарингии, особенно в Саарском районе. Лежащая между этими двумя районами полоса совершенно пассивных действий, шириною почти 150 км, как раз и явилась почти на две трети, ареной так внезапно возродившейся мощи германской армии.

Наличие германских оперативных резервов, вновь обнаруженная воля к активности, соответствующая наступательная техника и вновь достигнутое безусловное авиационное господство над всем стратегическим районом наступления — таковы данные, поразившие весь мир, вновь возрожденной беспримерной германской военной активности.

Через трое суток после начала наступления германский штаб уже возвестил о своем успехе. Следовательно, к этому времени фронт 1-й американской армии был уже окончательно прорван и удача наступления стала реальным фактом.

Германские армии, глубоко эшелонированные в глубину, стали очищать тыл далеко продвинувшихся вперед ударных частей прорыва от, еще продолжавшего занимать опорные пункты крупными гарнизонами, противника.

Германские наступающие колонны быстро-подвижных войск успели предупредить быстрый откат американских штабов, тыловых учреждений и органов снабжения к р. Маасу. Германские панцирные части проникли внутрь горного района Арден, перейдя шоссе, Льеж-Бастонь-Арлон.

Американские подкрепления и частные резервы американцев, бросаемые в бой союзным командованием с целью остановить германское наступление, были смяты и разделены на изолированные друг от друга группы.

К 19. 12. — было взято в плен 10.000 чел., 20. 12. — еще 3.000 чел., 21. 12. — еще 7.000 чел.

К 1. 1. — с начала наступления было взято 25.000 пленников и 400 орудий. За эту операцию было подбито или взято в плен 1230 неприятельских танков.

26. 12. — сильные группы американцев были окружены у Бастонь. Южнее немцы заняли г. Мартелянж.

К Новому Году немецкие передовые части вышли далеко на запад к Рошефор-Либрамон, вклинившись от ис-

ходного положения на запад, примерно, — на 75 км (три нормальных войсковых суточных перехода).

Прорыв принял форму трапеции. Ее широким основанием служило исходное положение **Моншау-Эхтернах** (85 км). Выдвинутая вперед на 75 км короткая (параллельная) база **Рошефор-Либрамон** (30 км) является передовым фронтом вклинения немцев.

Скошенные стороны являются флангами прорыва (с севера — **Рошефор-Ставелот-Мальмеди-Моншау**, а с юга — **Либрамон-Мартелянж-Эхтернах**). Этим то фланговым сторонам прорыва и предстояло выдержать контр-удары американцев.

С начала американское командование приостановило наступление у Аахена и снятыми оттуда резервами ударило на 6-й день операции, 21. 12., в северный фланг германского наступления на **Мальмеди** (от **Ставелота** до **Эльзенборна**). Удары эти, не приведя ни к чему, замерли к 30. 12. Потом последовали удары на **Рошефор-Марш-Лярош**. Особенной силы удар был направлен на направлении к последнему пункту двумя американскими танковыми дивизиями. Здесь правый фланг немцев был вдавлен на юг к г. **Лярош**, где вследствие жестоких потерь и остановился. Однако горячие бои в этом районе продолжаются.

В это время американцы снимают другие дивизии в **Эльзас-Лотарингии**, где тоже прекращают свое наступление и переходят к обороне, и бросают их с юга сначала на **Эхтернах**, а потом и на **Бастонь**, севернее которого были окружены большие группы противника. Тут тоже левый фланг немцев был вдавлен на север к самому городу **Бастонь** и восточнее его.

Таким образом, между ударными группами американцев к северу и югу, вдавившими флангарды к **Лярош** и **Бастонь** образовалась талия-тесемка прорыва шириной в 23 километра. Удары по этому критическому месту прорыва продолжаются, одновременно захватывая и весь лежащий западнее передовой четырехугольник **Лярош-Рошефор-Либрамон-Бастонь**.

Повидимому, американцы, не найдя успеха в более глубоком ударе по основанию «трапеции» прорыва, довольствуются, в первую голову, намерением «срезать» только передовой «четырёхугольник». В дальнейшем можно ждать более глубоких попыток быть по обеим сторонам реки **Сальм** у **Ставелот** (на севере) и у **Вильтц** (на юге).

Читатели официальных сводок должны, конечно, заметить, что главную партию «игры» на западе, начиная с высадки во Франции, исполняют американцы. Англичане в этой игре участвовали только в Голландии и то, так сказать, «сбоку-припеку».

Из 44 американских дивизий имеющих на западно-европейском театре к месту прорыва теперь приковано почти три четверти (31 американская дивизия, 1, 9 и 3 американских армий).

В сводке германского командования от 8 января впервые упоминается указание о попытках прорыва противника на северном и южном фасах германского вклинения частями первой американской армии, **усиленных английскими дивизиями**. Таким образом, англичане включаются в игру впервые, через три с половиной недели после начала германского прорыва.

Весьма примечательно, что соединения британской армии, стоящей вдоль **нижнего Мааса в Голландии**, учитывая пассивный характер большей частью заболоченного пространства этого фронта, «соблаговолили» помочь союзникам только через 24 дня операций. Такова быстрота оперативного «реагирования» английских союзников и то, вероятно, после многократных воплей американцев! Это, тем не менее, показывает, что американцы теперь распи-

сываются в недостаточности своих сил в Европе, в отсутствии своих глубоких резервов и в возможности справиться со свалившимся им на голову, как гром на декабрьском небе, германским наступлением.

Очень характерно, что германское командование тотчас же поспешило сделать удачный ход — «шах королю», перебросив для угрозы англичанам на западный берег реки **Маас** свои части, организовавшие там и удержавшие в своих руках прочное предместное укрепление у г. **Ванссум**.

Как прямое следствие германского наступления в юго-восточной Бельгии должна быть отмеченной все возрастающая активность немцев на южном фланге западного фронта. Немецкое наступление в этом районе очистило уже около сотни населенных пунктов и на фронте до 40 км. перешло линию **Мажино**. Восточнее **Сааргемюнд** германцы продвигаются вперед. У **Битч** ими отобран **Шиссак**. По обе стороны гор. **Битч** идет продвижение немцев, взят город **Вейсенбург**, р. **Ляутер** перейдена в южном направлении. Севернее гор. **Страсбурга** германские части совершили переправу через **Рейн** и укрепились на восточном его берегу, одновременно перейдя в наступление с юга от города. Такое успешное продвижение немцев идет и в нижних **Вогезах**. Разовьется ли это тактическое продвижение в стратегическое наступление в этом районе, — покажет будущее.

Из всего вышесказанного ясно видно насколько удачно задумана, как мастерски проведена и сколь блестяще завершается начатое 16 декабря германское зимнее наступление. Из местной операции с ограниченной целью облегчения положения под **Аахеном**, это наступление разворачивается в большое сражение огромного стратегического масштаба, которое может стать поворотным этапом войны.

Этот поворот мы видим во внезапно возродившейся, после очень долгого перерыва, активности германского командования.

Германская активность в воздухе

Нельзя не отметить неожиданного появления новых мощных германских авиационных соединений внезапно захвативших оперативное господство в воздухе с самого начала большого наступления в юго-восточную Бельгию и центральный Люксембург.

Мощь этих новых соединений блестяще проявилась в первый день нового года, когда массивным налетом на англо-американские аэродромы в Бельгии и Голландии германская авиация одним ударом уничтожила почти 600 самолетов противника (500 аппаратов на земле и 79 самолетов в воздухе).

Активность германского подводного флота на море

Отмечается все возрастающая активность подводных лодок и «Штурм-Викингов» германского морского флота. За истекший последний месяц только что минувшего года подводным флотом Германии потоплено 163.000 тонн неприятельских судов. Кроме того было уничтожено 16 неприятельских конторноносцев и конвойных судов.

Все перечисленные факты с необыкновенной яркостью подчеркивают новые тенденции германской стратегии вновь переходящей к широкой активности. Это явление обещает, повидимому, новый этап военных действий, который должен принести большие перемены в германском управлении войной.

В более выгодные времена года, с наступлением весенних или летних дней, может противник ожидать серьезного поворота событий на любых фронтах огромного театра войны.

Подковник Н. В. Пятницкий

Рождественское послание

Председателя Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей
Высокопреосвященного митрополита Анастасия

Тяжелы и скорбны дни нашей жизни, но в сумраке их нам особенно ярко светит Вифлеемская звезда, предвещающая восход Солнца Правды — Христа. Она ведет нас, как некогда волхвов, к Нему, нашему Спасителю и Утешителю, Которого не перестанет искать наша душа.

В праздник Его рождества мы живее чувствуем Его близость к нам, ради которых Он сошел с неба и принял человеческую плоть. Нам невольно рисуется тогда наше невинное детство, когда мы с духовным восторгом воочию созерцали чудную евангельскую картину: вертеп, озаренный небесным светом, сияющего божественною славою Младенца, лежащего в яслях, Пречистую Матерь-Деву, склонившуюся над Ним в кротком умилении, старца Иосифа, приникшего к великой Вифлеемской тайне, и задумчивых волов, своим дыханием согревающих Младенца-Христа и как бы боящихся нарушить чем-либо общую благоговейную тишину в ту таинственную ночь, когда небо соединилось с землею и когда как-бы остановилось самое течение времени. От избытка сердца невольно отверзались уста и мы радостно славословили вместе с ангелами и пастырями Родившегося Христа, «Отроча младо Превечного Бога».

Да будет благословен для нас и ныне этот торжественный праздник, неистощимым в своей благодати, всегда вещающий нам о том, что со Христом родилась для нас новая жизнь, чуждая греха, исполненная мира, любви, взаимного благоволения между людьми и нетленного блаженства.

Христос рождается! — дорогие братие и сестры. Этими словами церковной песни мы приветствуем всех вас от имени Церкви. Где бы вы ни находились ныне — в тяжкой доле на родной земле, в ратном подвиге на поле брани или в мирных, но часто тяжелых трудах здесь за рубежом, Христос ныне везде с вами, Он благословляет и обнимает своею любовью всех вас. Обнищав нас ради, Он всех обогатил своею ницетою. По любви и снисхождению к нам Он родился не в пышных царских чертогах, а в убогом Вифлеемском вертепе, чтобы быть доступным для всех — для богатых и бедных, для мудрецов и простецов.

Кто первые получили с неба весть о рождении Его и первые сподобились поклониться Ему? Простые смиренные пастыри. Но Он не отверг и усердия знатных и мудрых волхвов, пришедших к Нему с Востока и принесших Ему царственные дары от своего благоговейного сердца.

Мы все одинаково ничтожны пред величием Его и нам всем не тесно под Его покровом в лучах Его благодати, согревающей, возвышающей и утешающей сердца верующих.

Как несчастны те, кого не трогает Божественная красота Его образа, пред коим с благоговением

склонялись даже лучшие из язычников; те, кто не слышит Его кроткого гласа, всегда призывающего нас к себе, и особенно те, кои дерзают бороться против Него или даже ищут убить Его, подобно Ироду.

Современный мир не сгорал бы в огне адской злобы, ненависти и мести, если бы он не забыл ангельской песни, прозвучавшей над Вифлеемским вертепом и не перестал воздавать славы в вышних Богу, без Которого сам человек утрачивает свое высокое достоинство. Отойдя от Христа, он не только потерял источник внутреннего мира и подлинного счастья, но и незыблемую твердыню, на которой, как на краеугольном камне, опиралась вся его многовековая жизнь.

Безверие убивает все, что есть высокого, светлого и божественного на земле. Страшная бездна пустоты разверзлась пред безрелигиозным человечеством и мы уже слышим крики ужаса и отчаяния, вылетающие из груди тех, кого она угрожает поглотить.

Таков непреложный закон истории. Где угасает свет евангелия, там начинается область безпросветной мучительной тьмы. Откуда удаляется Христос, Который есть «путь, истина и жизнь», там водворяется отец лжи — сатана, обольщающий людей своими пагубными соблазнами, влекущими за собою страдания и духовную смерть. Безблагодатная культура делает человека жалким рабом материи и приводит его к духовному одичанию и самоубийству.

Ужасы настоящей войны, в пламени которой продолжают сгорать древние храмы и другие святыни христианского мира, библиотеки и памятники искусства — плод творческого вдохновения веков, невознаградимый впоследствии — и где гибнут миллионы юных жизней, составляющих лучший цвет и надежду каждой нации, связанные с этим страдания мирного населения, обреченного на голод, холод и другие лишения, принужденного часто проводить значительную часть своего времени в мрачных подземельях вместе с пресмыкающимися, слезы невинных младенцев, являющихся искупительною жертвою за грехи своих отцов, — все это говорит о том, на каком опасном пути стоит нынешнее человечество после того, как оно «угасило в себе дух» и поработилось грубым материальным интересам.

Но если нужно иметь непрерываемое доказательство полной несостоятельности чисто материалистического безрелигиозного и бездуховного построения жизни, то его дает нам большевизм с его коммунистическим опытом, произведенным на Русской земле. Сколько людей, угнетенных бедностью, непосильным трудом и общественной неправдой, устремилось к обетованиям марксизма, через которые большевики хотели облагодетельствовать Русский народ и все человечество, насадив на земле царство общего равенства и довольства.

Что же они на самом деле дали русским людям за 27 лет своего неограниченного владычества на Русской земле?

Надо быть слепым, чтобы не видеть, как далеки оказались их обещания от действительности, хотя,

к сожалению, есть еще не мало легковерных или внутренне недобросовестных лиц, которые «хотят быть обманутыми» лживой советской пропагандой, представляющей подсоветский быт в радужных красках. Вместо обещанной свободы большевики принесли народу насилие и рабство и посягнули даже на религиозную совесть его, воздвигнув лютые гонения на его веру; вместо благословенного свободного и радостного труда — проклятие принудительной крепостной работы на государство; вместо справедливости — неправду и сознательный обман; вместо мира — ожесточенную классовую борьбу, пока, наконец, не ввергли его в нынешнюю кровавую и изнурительную войну, в огненное жерло которой они безжалостно бросают даже женщин и детей; вместо счастья и радости — жизнь, полную лишений, мучений и слез.

Как далеко все это от той подлинно райской, блаженной жизни, которая расцвела в Иерусалимской общине первых дней христианства, когда у верующих была одна душа и одно сердце, когда они были подлинно братьями и сестрами друг другу и имели все общее, не желая ничего из имущества называть своим и когда не было между ними нуждающихся. Они веселились как невинные дети в саду Божиим и вся их жизнь, исполненная чудной гармонии, была как бы непрестанно звучащей ангельской песнью: «Слава во вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение». То, за что так страстно и напряженно борются ныне целые народы, за что льются потоки человеческой крови, то там достигалось без труда и борьбы, одним свободным движением любви и дыханием благодати, низведенным на землю родившимся нас ради Спасителем мира.

Советская власть обыкновенно любит превозноситься достижениями своей технической культуры, на которой она сосредоточила свое главное внимание в своем хозяйственном строительстве. Но если она и достигла некоторого успеха в этой области, то она обязана им не чему иному, как творческому гению и великому терпению Русского народа, который за все эти годы должен был поднять подлинно египетский труд, стоивший жизни миллионов лучших людей, умерших вследствие естественного истощения их сил и всякого рода пыток и истязаний, на которые были обречены все, отправленные на принудительные работы. Один Беломорский канал мог бы быть заполнен трупами тех, кто вблизи него нашел свою безвременную могилу. Страдания русских людей под большевистской тиранией поистине не поддаются описанию и будущий историк не раз с ужасом остановится на летописях этой роковой эпохи, написанных не столько чернилами, сколько русскими слезами и кровью. И эти слезы и кровь льются обильно до сих пор, вследствие безчувствия власти, будто провозглашенные большевиками в последнее время национальные идеи и патриотические лозунги могут в корне изменить их идеологию и дать новое направление их общей политике. Старое лицемерие и коварство советской власти особенно явственно обнаружилось в их новых отношениях к Русской Церкви.

Предоставив последней некоторую видимость свободы в организации своего управления и совершении церковных служб, Советы через посредство своей якобы доброжелательной опеки над Церковью сумели проникнуть в самое внутреннее святилище ее, чтобы внести туда дух разложения.

Лучшим средством для этого оказался подбор слабого духом услужливого духовенства, которое они пытаются и часто уже успели обратить в свое послушное орудие для поддержки и оправдания своей безбожной и безнравственной по существу внешней и внутренней политики. Вследствие этого Церковь покровительствуемая правительством стала менее независимой и менее авторитетной в глазах народа, чем когда она была гонимой от безбожников.

Если советская власть и оказалась способной преуспевать в чем-либо, то только в вызывающей дерзости даже в отношении своих союзников и в безчеловечной жестокости, какую она не стесняется ныне проявлять даже пред лицом якобы «освобожденных» ею народов. Если прежде большевики называли людей бичами, то теперь они терзают их скорпионами. В прежнее время они заключали своих врагов в изолированных, недоступных постороннему глазу тюрьмах или концлагерях, теперь они сажают их в звериные клетки, как это недавно было в Сербии. Прежде они старались скрыть свои расстрелы, производя их в подвалах или в лесах под кровом ночи, ныне они открыто среди белого дня вешают неугодных им лиц на улицах и площадях занятых ими больших городов и часто при том — за ноги вниз головой (как говорят некоторые очевидцы), чтобы доставить своим жертвам больше мучений и посмеяться над ними даже после их страдальческой кончины, объявляя при этом изменниками всех, кто так или иначе соприкасался с их боевыми противниками. Всякие другие глумления и насилия над населением занятых ими стран говорят о крайнем озверении и бесстыдстве советских палачей, не знающих удержа своим грубым животным инстинктам.

Большевизм по самой природе своей есть неисцелимая болезнь. Он не хочет и даже не может отказаться от своей злой, отравленной ядом лжи, сущности, ибо для него это значило бы отречься от самого себя; поэтому против него нет другого средства, как решительная борьба с ним вплоть до полного уничтожения его; иначе он, как опустошительный смерч, пронесется по лицу всей Европы, сея всюду хаос, анархию, голод и междоусобную войну.

Главную тяжесть этой борьбы и принял на себя германский народ и его доблестная армия, подвизающаяся против большевизма на поле брани. Ныне против того же большевистского зла восстала новая грозная сила в виде Русской Освободительной армии; она неразрывно связана с национальным Освободительным Движением, возникшим в недавнее время по мудрому почину своего мужественного и дальновидного вождя, навсегда давшего ему отныне свое имя, и его ближайших сотрудников. Когда он, одушевленный пламенной любовью к страждущему Отечеству, высоко поднял свое боевое знамя, к нему устремились тысячи людей, возгоревшихся тем же священным героическим желанием освободить Родину от тиранической власти, в уверенности, что для этого уже пробил час, указанный свыше. Мы видим, как это патриотическое начинание растет и крепнет каждый день, сплотивши вокруг себя представителей разных народностей, входящих в состав Великой России.

История как бы повторяется на наших глазах. 300 лет тому назад наши предки, видя разорение своей земли не только от внешних, но и особенно

от внутренних врагов, сеявших повсюду раздор и смуту, по благословению Церкви стали «советовать друг с другом» о спасении Отечества и, собравши грозное ополчение под водительством Минина и Пожарского, совершили свое великое историческое дело, за которое не перестает прославлять их имена потомство.

Многочисленный Русский народ, имеющий тысячелетнюю историю, не изжил своей творческой силы, и для нас нет большего утешения, как видеть ныне снова собрание всех здоровых национальных сил под водительством одного вождя для открытия крестового похода против поработителей Отечества, надругавшихся над нашей верой, опустошивших нашу богатую землю и еще более русскую душу и замучивших миллионы невинных русских людей.

От нас, от крепости нашей веры и духовной стойкости и еще более от степени нашего единомыслия и единодушия зависит дальнейший успех начатого ныне высокого патриотического подвига.

Никогда духовные патания и внутренние раздоры не были столь опасны, как в настоящий момент, когда судьбы России колеблются на острие меча. Горе тем, кто, не разумея исторического значения совершающихся на наших глазах событий, будет работать не на созидание, а на разрушение нашего национального единства, без которого невозможно спасение Родины. Они дадут тяжкий ответ пред нею и прежде всего пред Богом.

Некогда пророк Божий видел поле, усеянное мертвыми сухими костями. Он изрек на них слово Господне и тогда, говорит он, «произошел шум и вот движение и стали сближаться кость с костью своею». Кости облеклись, затем, жилами и плотью и покрылись кожей. Но «духа не было в них». Снова раздалось повеление Божие и «вошел в них дух и они ожили и стали на ноги свои — весьма, весьма великое полчище» (Иезек. 37, 7-10). Не может «ожить» без помощи Божией и наш народ и «стать на свои ноги».

Будем же молить родившего Спасителя, пришедшего разрешить людей от вечных уз и «отпустить сокрушенных во отраду», чтобы Ондохнул

дыханием уст своих в сердца всех, кто издавна привык называть Русскую землю своим Отечеством, соединил их тесными братскими узами между собой и оживил их верою и надеждою на торжество вечной правды Божией, пред которой не может устоять никакая сопротивная сила. Тогда из недр нынешнего Освободительного Движения родится грозная рать — «весьма, весьма великое полчище». Она волеется могучим потоком в пределы России не для того, чтобы насытить чувство злобы и мести к своим врагам, но чтобы возвестить избавление нашим угнетенным братьям, ставшим пленниками на собственной земле, и, слившись с ними воедино, начать мирное строительство новой лучшей жизни, утвержденной на началах Христовой любви и правды.

Мы надеемся, что уже грядущий год принесет с собой светлый и радостный день свободы для нашей дорогой Отчизны, с которой спадут наконец нынешние оковы. Никакая тирания не может быть долговечной, ибо она противна божеским и человеческим законам и простому здравому смыслу. Как и всякое зло, она носит прежде всего в себе самом источник своей гибели и падает не только от внешних поражающих ее ударов, но и убивает себя иногда собственным отравленным жалом, как это бывает со скорпионами в минуту постигающей их опасности.

Весь мир ждет от наступающего года «лета Господня приятна», лета милости и благодати Божией, которое отрет слезы от наших очей и начнет собой новую эпоху мировой истории, исполненную благословения, мира и тишины, когда народы поймут, наконец, что для них нет ничего лучшего, как «жить вкупе», одной семьею, и соединятся вместе для дружного братского сотрудничества в устроении всегда нового и вместе древнего порядка на земле, определенного на все века в Божественном законе.

Господи, услыши нашу молитву, яви нам силу Твою и спасение Твое, да поклонится Тебе вся земля, как своему Владыке, Законодателю, Промыслителю и Спасителю.

Митрополит Анастасий

Декабрь 1944 г. Карлсбад.

Исторические очерки Дона

Часть вторая

Продолжение*

ЛXI.

Отмена полицейской службы казаков. Исследование Дона военным министром А. Н. Куропаткиным. Улучшение коневодства на Дону. Рост населения. Переселение донских казаков в Уссурийский край и образование там Уссурийского казачьего войска.

Как застоявшийся, долго сдерживаемый сильною рукою всадника конь, кинулась Россия при новом Государе Николае II в большую творческую работу. Какой широкий обзор был перед нею! Какие возможности! Царь был молод. Императору Николаю II шел 26-й год, когда он вступил на престол. Он только что очель скромно, из-за траура по отцу, обвенчался с принцессой Алисой Гессенской, немкой по рождению и англичанкой по воспитанию, племянницей английской королевы Виктории. Царя окружали такие же молодые люди, как он сам, его недавние спутники в путешествии вдоль берегов Азии, в Японию и через всю Сибирь. Царь был доступен, ласков, милостив, преисполнен веры в свой народ

и его творческие силы. Сибирский путь заканчивался. Казна была полна. Все желания царя так легко исполнялись.

«Казакотаны» на Дону подняли головы. Так много нужно было выправить в донской жизни, так нужна была царская милость.

В 1895 году в Красном Селе в лагерном сборе на Высочайшем смотре, Атаманского полка не было. Один дивизион находился в Пскове на запятнях с пехотой, другой в Петербурге нес конно-полицейскую службу. Государь обратил внимание на отсутствие полка и спросил командира бригады, бывшего раньше командиром Атаманского полка, генерал-майора М. И. Грекова, где находится полк. Греков использовал этот случай и подробно доложил Государю, как тяжело отзывается конно-полицейская служба на казаках и их конях, когда они целыми ночами должны ездить по глухим окраинам города, по каменным мостовым. Греков просил об отмене полицейской службы для казаков.

17 октября 1897 года в Петербурге была учреждена конная полиция. Казаки были освобождены от разъездной по городу службы.

В 1898 году дворянское собрание в Новочеркасске ходатай-

*) См. № 40 «На Казачьем Посту».

ствовало перед Государем о назначении комиссии «для исследования причин, подрывающих хозяйственный быт Донского казачьего войска и о способах к поднятию его благосостояния».

Комиссия была учреждена под председательством генерала Маслаковца. Она не дала желаемых данных. Она признала, что «благосостояние казаков несколько пошатнулось и требуются серьезные меры для его улучшения». Какие должны быть меры — комиссия не нашла. В ней снова заговорили о земстве. Тогда была созвана новая комиссия, в Петербурге, при Главном Управлении казачьих войск, под председательством генерал-лейтенанта А. Грекова (1899 г.), но и она ничего не могла придумать.

В 1900 году военный министр Куропаткин решил сам ознакомиться с хозяйственным положением казаков. Сотрудник Скобелева, повидавший донцов в Турецкую войну, человек военного склада, Куропаткин легче разбирался в положении донских казаков, чем комиссия, заседавшие в кабинетах. Объехав войско и побеседовав со старыми казаками Куропаткин доложил Государю, что «если не будут приняты меры, то казачество Донское скоро окажется не в силах выполнять лежащие на нем военные обязанности... Надо беречь Донскую область и не нарушать славного Донского казачества. Земли на пай казаку приходится «слишком мало сравнительно со всею площадью земель, находящихся в станичном пользовании. Казаки недостаточно энергично и умело пользуются выпавшим на их долю земельным добром. Производительность земли ослабела, но земля еще кормит казака. Лошадь казака во многих случаях уже не может нести службу...»

Раньше у казака почти всегда была своя «доморощенная» лошадь. Теперь казаку приходилось покупать при выходе на службу коня у помещика коневода, или у богатого зажиточного казака. Цены на лошадей росли. Выход казака на службу разорял казачье хозяйство.

Куропаткинхлопотал выдачу каждому казаку при выходе его на службу «сторублевое пособие» на покупку лошади.

Куропаткин затронул много вопросов, касающихся службы казака.

— Нужна ли допризывная подготовка казака? спросил Куропаткин.

— Необходима. Она те и воспитывает дома казака в станице, в беседах и на примере старых казаков.

— Нужна ли джигитовка?

— Без джигитовки не будет лихого казака-наездника и его друга коня...

— А несчастные случаи?

— Где лес рубят — щепки летят.

— В виду трудности для казака приобретать свою лошадь не настало ли время заменить собственную лошадь казака казенною — ремонтною?

— Дать казаку казенную лошадь вместо собственной — это уничтожить казака. Лошадь — друг казака и член его семьи.

— Казачьи лошади становятся все мельче и беспороднее; откуда взять казаку хороших лошадей?

— Нужно поднять станичное и подворное коневодство. Нужно улучшить состав производителей, поступающих с Войскового Провальского завода; нужно дать еще производителей с Государственных конных заводов; так и поправится дело. Казак любит лошадь и, если правительство придет казаку на помощь он ею займется.

— На это нужны средства.

Тогда обратили внимание военного министра на неправильное положение Задонской степи, где конно-заводчики, на три четверти иногородние, имели громадные участки земли для вывода ремонтной лошади и платили за эту землю ничтожную арендную плату.

Куропаткинхлопотал, чтобы с 1900 года правительство отпускало войску «справедливое пособие» за пользование Задонской степью для нужд военного министерства в размере 358 000 рублей. С годами это «справедливое пособие» увеличилось, по мере увеличения стоимости ремонтной лошади, и дошло до нескольких миллионов рублей.

7 февраля 1901 года было повелено отпустить войску 230 000 рублей в возмещение потерь в доходах станичных обществ от введения в области винной монополии.

Эти средства пошли почти целиком на поднятие коневодства донских казаков.

Прошло 14 лет. Казакам пришлось поголовно выступить на конную боевую службу. Казачьи полки вышли на таких конях, которым могли бы позавидовать и регулярные полки. Полки Черкасского, Сальского, 1-го и 2-го Донских, Донецкого и Хоперского округов имели под казаками высококровных, рослых (2 аршина, 2½ и до 2 аршин и ¾ вершков) коней. Эти лошади вынесли не только всю страду Германской

войны, но пронесли казаков и через ужасы и страдания войны гражданской. Казаки в этих двух войнах вернули себе славу лучшей конницы.

Население Войска Донского быстро возрастало и не столько за счет природного прироста, сколько за счет наплыва иногородних. В 1895 году по переписи в Войске находилось — 2 222 755 душ обоего пола. Из них 1 022 086 было казаков и 1 200 669 — иногородних. Казаки в своей области составляли только 49,61% населения края.

С 1895 г. и по 1901 год для образования Уссурийского казачьего войска было переселено с Дона 338 семей.

ЛХП.

Колонизаторская деятельность России. Посольство в Абиссинию к негусу Менелику. Маньчжурский и Корейский вопросы. Занятие Ляодунского полуострова и крепости Порт Артура. Война с Японией. Портсмутский мир.

Россия в царствование Императора Николая II искала новых мест для поселения, широких просторов для все растущих торговли и промышленности.

В 1897 году Император заинтересовался христианской страной очень древней культуры, Абиссинией в Африке. Он вводит в сношения с негусом Менеликом II. Осенью отправляется в Абиссинию чрезвычайное посольство с действительным статским советником П. М. Власовым, донским казаком. При нем, в конвой, идут: 14 гвардейских донцов, 3 гвардейских уральца и 3 солдата гвардии. Посольство это стало постоянным и при нем состоял конвой из донских казаков 8-го Донского казачьего полка.

Но особенно интересовали Николая II вопросы Дальнего Востока, где так недавно побывал, будучи наследником, Государь. Он послал офицеров обследовать Корею. Он склонился к мысли провести Сибирский путь не через Восточную Сибирь, но через Маньчжурию, что было прямее и выводило рельсовый путь к незамерзающей части Великого океана.

Эти стремления России усилить влияние на Востоке встревожили Англию.

В 1894—1895 годах Япония вела войну с Китаем. Японцы разгромили китайцев и по Симонсекскому миру 17 апреля 1895 года японцы получили от Китая большой остров Формозу и на Азиатском материке Ляодунский полуостров с китайской крепостью Порт-Артуром. Китайцы отказывались от своего покровительства Корею.

Поддержанная другими европейскими державами, боявшимися усиления Японии, Россия настояла на отказе Японии от Ляодунского полуострова и на возвращении его Китаю.

Ловким «дипломатическим маневром» министра финансов Императора Николая II, Ю. О. Витте, при посредстве китайского министра Ли-хун-чана, Россия в 1898 году арендовала у Китая на 99 лет Ляодунский полуостров и получила разрешение вести продолжение Сибирского пути через Маньчжурию на Порт Артур и держать для охраны пути в Маньчжурии вольнонаемные войска. Кроме того Россия домогалась у Японии разрешения уступки в Корею двух гаваней. Ослабленная войною Япония смолчала, но затаила злобу на Россию.

В 1900 году в Китае произошли беспорядки, направленные против иностранцев. Посольства в Пекине были осаждены восставшими китайцами, получившими наименование — «боксеры», или «большого кулака», Маньчжурская дорога, только что начатая Русскими, была частично разрушена. Иностранным посольствам была послана помощь. Всем международным отрядом был назначен командовать немецкий генерал граф Вальдерзее. Но еще он не прибыл, когда Русские восточно-сибирские стрелки и Забайкальские казаки под командой генерала Линевича, вместе с японцами, взяли Пекин и освободили послов.

В этот китайский поход Русские и японцы пригляделись друг другу. Японцы оценили мужество и храбрость Русского солдата. 30 января 1902 года Япония заключила оборонительный союз с Англией и стала деятельно готовиться к войне с Россией.

Россия ограничилась благожелательным «нейтралитетом» Германии. Громадной России, где «не заходило солнце», казалось невозможным, чтобы крошечная страна «Восходящего солнца», Япония, могла напасть на нее. Дипломатические переговоры об уводе из Маньчжурии Русских войск тянулись, ни к чему не приводя и только раздражая Японию.

27 января 1904 года японцы неожиданно, без объявления войны, напали на Русские военные суда, стоявшие в море у Порт Артура и сильно повредили некоторые из них. Война была неизбежна.

Для Русского народа война была непонятна. Слишком далекой казалась Япония; далекими, ненужными и недостижи-

мыми казались и цели — прочно стать на незамерзающем, свободном море — Великом Океане.

Война оказалась тяжелой. Почти десять тысяч верст, в большей своей части однокорейного пути железной дороги отделяли место военных действий от центра России. Все: войска, снаряжение, продовольствие приходилось возить из европейской России и Сибири. Россия в течение 26 лет не вела войн. Армия была не подготовлена к новой войне. Пехота была не соответственно одета, она не имела пулеметов. Артиллерия была снабжена только шрапнелями, не имея гранат; конница утратила дух конных действий, ее стесняла местность. Климат, зимою суровый — сибирский — со снежными метелями и буранами, летом жаркий, душный, с тропическими ливнями, делающими непроезжими дороги, оброщающими маленькие речки в стремительные потоки — был тяжел. Местность — крутые, дикие горы, мало доступные, покрытые густыми лесами, а под ними — равнина, степь, где негде укрыться — требовала больших сил.

Главнокомандующим Русскими армиями был назначен генерал-от-инфантерии, генерал-адъютант А. Н. Куропаткин. Он составил мудрый план отходить вглубь Маньчжурии до Харбина, заманивая противника, затягивая войну и усиливаясь в то время, когда противник будет ослабляться, принужденный держать много войск на удлиняющихся путях сообщения.

Русское общество, а с ним и Государь Николай II, волновались и требовали от главнокомандующего быстрых и решительных действий, освобождения осажденного японцами Порт Артура, движения вперед. Избалованное победами Русских войск в прежние войны Русское общество требовало скорых побед.

Их не было. Русская армия, выступившая на войну с опытом Русско-Турецкой войны 1877-78 годов, натолкнулась на много нового и должна была учиться новым приемам войны на полях сражений.

После жестоких боев приходилось отступать. Тюренчен, на реке Ялу, на границе Кореи; Вафангоу на пол пути от Ляояна к Порт Артуру; Дашичао; Ляоян; Шахэ; Мукден — скорбные пути отступления Русской армии.

22 декабря 1904 года Порт Артур, после сверх-героической обороны, был вынужден сдаться...

15 мая 1905 года у острова Цусимы погиб в страшном морском бою Русский флот эскадры адмирала Рожественского.

Ни армия, ни флот не были поколеблены этими неудачами. Они видели ослабление японцев и чувствовали, что победа близка. Отошедшая к Харбину Русская армия приобрела опыт. Она готова была к грозному наступлению. Япония, напротив, израсходовала свои резервы.

Тогда поднялись в России темные силы, разжигаемые и подкупаемые из за границы. В России началась смута. Беспорядки из центра перекинулись в армию. Положение ее стало трудным. Вот почему, как Россия, так и Япония с одинаковою радостью приняли предложение президента Северо-Американских Штатов Рузвельта быть посредником для заключения мира.

23 августа 1905 года в Портсмуте, в Америке, был заключен мир. Условия его были тяжелы и унижительны для России. Россия уступала Японии Порт Артур и порт Дальний со всем Ляодунским полуостровом; отдавала Японии южную часть острова Сахалина и отказывалась от притязаний на Корею, представляя ее Японии.

П. Краснов.

(Продолжение следует)

Из донской старины

Герой кавказской войны — урядник Григорий Семенович Дьяков, казак станицы Добринской, Хоперского округа, полный Георгиевский кавалер — «бантист». Все боевые знаки отличия получил на Кавказе в 1850—1859 годах.

(Фотография хранится в Донском Казачьем Архиве в Праге)

Грянем по врагу

Поднимайтесь, родные края,
Закипай благородное пламя,
За оружие, казаки-друзья,
Все под наше победное знамя!

Мы и силой и волей крепки,
Мы не знаем в отваге предела,
Ощетиним стальные штыки,
Грудью встанем за правое дело.

И врагов супостатов ряды
Захлестнем смертоносною лавой;
Грянем с воздуха, с суши, с воды, —
Победим, или погибнем со славой.

Пусть гремит сатанинский буран,
Пенят зыбь океанов торпеды,
Наша сила — стальной ураган,
Наша клятва — борьба до победы.

А. Задорожный.

В первой казачьей

Продолжение

Я на новой квартире у сотника Гончарова. Бывший кадровый командир красной армии. Артиллерист. С Кононовым служит три года. Хлебал «баланду» в лагере под Могилевом, прошел весь страдный путь с полковником Кононовым. Несмотря на 24 года, он выглядит старше своих лет. В нем уже — спокойствие и твердость командира, имеющего большой боевой опыт.

Сообщает мне результаты сегодняшнего рейда: четыре партизана убиты, взят тяжелый пулемет, один пленный партизан. С нашей стороны: два легко раненых казака; один в ухо и в спину — вскользь, другой — в бок, убила лошадь.

Выхожу во двор — в комнате душно.

На широком дворе две походных кухни. Вечернее кофе уже роздали, кашевары свободны. Здесь же, во дворе, помещается взвод 9-го эскадрона.

Взошла луна. Все залито бледным, таинственным светом. Хорошо после операции лежать на копне душистого сена и смотреть в небо на звезды...

— Ну, Данило, заводи шо-нибудь... Поспиваем трохи... — говорит кубанец усач товарищу.

— А шо спиваем?

— Давай «Ты Кубань — ты наша Родина...». Пидходь, хлопцы, пидходь...

Подходят еще два кубанца. Всего — четверо. Данило начинает кубанскую песню-гимн. Задумчивые слова, красивый, торжественный мотив, льются в вечернем, свежем воздухе. Видно, что автор-кубанец сложил эту песню в минуту большой душевной тоски по Родине.

Из далеких стран полуденных,
Со турецкой стороны,
Шлем тебе привет, родимая,
Твои верные сыны...

Умер кубанец, но осталась песня-гимн, а в ней его тоска и чувство... Глубокое, искреннее, вылившееся вот так — непосредственно из души, как молитва. Пройдут долгие годы, мало кто будет знать имя автора песни, а песня все еще будет жить на свете и волновать казаков. И может быть в такой погожий, вечерний час, казак, слушая песню, вспомнит своих родных, близких, оставшихся там, на казачьей земле, и, отвернувшись в сторону, чтобы никто не видел, смахнет украдкой предательскую слезу.

— Дальше шо будем?...

— Давай «Из-за гор горы...»

Данило высоко начинает:

Из-за гор-горы
Едут мазуры...

И тут сразу вступают сильные, могучие басы:

Едут, едут мазурики,
Они везут топорики.
...Едут мазуры...

Эта старая песня, занесена казаками с Запада. Она хороша только в виртуозном исполнении, удачно подобранных, певшихся голосов. И надо сказать — четверо кубанцев исполнили ее безукоризненно. Здесь были такие чудесные переходы, такое мастерство исполнения, что не только я, но и все казаки затаили дыхание и слушали, не шелухнувшись.

Дальше последовала песня, проникнутая тонким юмором, ухмылкой украинского народа, умершего пошутить, сказать острое слово: «Проил волы, проил ярма — и занозы — все чумацкое добро...».

...Казак, истари суровый воин, не любит выражать свои чувства. Он любит свою жену, детей, но внешне старается не показывать, считая, что это не достойно казака. И только в песне он дает волю своим чувствам. Здесь это можно. Так уж спокон веков заведено.

Поэтому-то казак и поет всегда с душой, с глубоким, искренним чувством, в особенности, когда выпьет, а уж если у него какое-либо горе случится, тут уж он в песне все расскажет, всего себя выложит.

Помню: был я еще мальчишкой. Заехали к отцу два знакомых казака-уральца с хутора Ливкина, известных на все Уральское Войско песенника. Отец поставил угощение. Дело было летом. Сидели до третьих петухов. Казаки пели одну песню за другой: старинные казачьи песни. Боже мой, как они пели! Мне бы давно следовало спать, но я забыл о сне, о всем на свете и слушал, слушал... Смотрел на них, как завороченный; для меня они были сказочные баяны, какие-то особые, необыкновенные люди.

«Песня»

С акварели А. Мельникова

Мать сидела, уперев подбородок в ладонь, и не спускала глаз с казаков. А отец... я никогда за всю жизнь не видал его плачущим — ни до, ни после, а тут он плакал, не скрывая своих слез. И только приговаривал: «Вот это удручение. Есть большие артисты-профессионалы, но есть и больше зря...».

...Я лежал на копне, подложив ладони под голову. Думал о том: ведь это простые люди. Они никогда не слышали, что такое fuga, контрапункт, понятия не имеют о гармонии, а ведь вот у этих степняков такое чувство гармонии, такое чувство прекрасного в песне, что только слушая вот таких виртуозов, начинаешь понимать всю прелесть народной былин, сказки, легенды, песни и тех самородков, которые выходят из народной массы.

Кононов сбил всех песенников в 9-й эскадрон к сотнику Гончарову. Песенники уже не раз выступали на праздниках в дивизии, в полку. Своими песнями они очаровали и генерала фон Панвица и немецких офицеров.

В этот вечер я получил глубокое душевное удовлетворение. Есть большие артисты-профессионалы, но есть и большие артисты из народа. Разница в том, что первые это знают, а вторые порою не знают о своем таланте.

Да... Хорошо пели кубанцы.

Александр Яганов.

Над станицей пвел лиловый вечер,
В воду месяц опустил рога,
С чаканом шептался легкий ветер
Шелестела темная куга.

По над Доном, правой стороною
В чекмене — ну, прямо на парад,
На быках тяжелою арбою
Дед везет душистый виноград.

На базу хрустят коровы сеном,
Пахнут мята, донник и чебрец.
На уютных матери коленях
Задремал сынишка сорванец.

Дышит все отрадой и покоем,
Тихий Дон! Страна моя!
Верю я что именно такою
Вновь тебя увижу я!

Андрей Ф.

На казачьей земле

В северной части Италии тысячи казаков разных Войск, вместе с их семьями, расположены станицами со своими Атаманами, найдя временный приют после длительного и героического исхода с родных мест.

Эти новые казачьи поселения возглавлены Походным Атаманом генерал-майором Т. И. Домановым, возглавляющим в то же время там же расположенные казачьи полки, героически сражающиеся ныне против западных союзников большевизма.

Как живут и работают казаки на чужбине, умевшие и в новых непривычных условиях воссоздать свой старый быт, как это было когда то на Казачьей Земле, читатель ознакомится из публикуемой ниже статьи Атамана Кубанского отдела казачьих войск полковника Лукьяненко.

«Казачья Земля» на чужой стороне — в ее создание вложены душа, разум и сердце, неустанные труды, заботы и талантливая творческая энергия нашего старейшего казака генерала Петра Николаевича Краснова, к которому и обращается автор настоящей статьи со следующими словами:

Ваше Высокопревосходительство!

От имени личного состава Штаба Кубанского отдела казачьих войск, от духовенства, учителей, всех казаков и их семей, находящихся в северной Италии в кубанских станицах, разрешите принести Вам нашу казачью благодарность от чистого сердца за Ваше внимание к нам и отеческую заботу о нас на чужбине, где мы при всесторонней поддержке Великой дружественной, союзной Германии нашли себе человеческий приют, получили временное местожительство и устроили свою жизнь и свой быт по-своему, по-казачьему, как жили предки наши в старину.

Примите от всех нас сердечный кубанский казачий привет.

Искренно уважающий Вас

Атаман Кубанского отдела
полковник Лукьяненко.

На южных склонах живописных древних Альп, в северной Италии, на географической широте, соответствующей, приблизительно, местоположению Ейска, Сальска и Тихорецка, получили приют, убежище и временное местожительство свободолюбивые, вольные и отважные кубанские казаки, освобожденные от жидо-большевистского гнета доблестной Германской Армией в 1942 году.

Связав свою казачью судьбу, свою жизнь и борьбу за свободу с немецким народом, кубанцы в течение двух лет борются за общее дело, преодолели массу преград и лишений, проявили подлинно рыцарский казачий героизм и самоотверженность, помогали, помогают и будут помогать Германским Войскам в их беспрецедентной борьбе за построение нового порядка в Европе. Общность наших интересов окончательно скрепила искреннюю дружбу между германцами и кубанцами. За их внимание к нам, за их чуткую заботу о нас и наших семьях мы, кубанцы, всегда им будем благодарны и в долгу у них никогда не останемся.

Общее настроение у всех казаков в настоящее время вполне бодрое и здоровое, все уверены в правоте нашего общеказачьего дела, полны решимости бороться против большевиков до полной победы над ними, все ждут с нетерпением начала похода на Восток и твердо убеждены в том, что казачий правый фланг противосоветского фронта будет впереди и привлечет горячие симпатии, доверие, сочувствие и поддержку у населения, ныне поработанного жидо-большевиками.

За последнее время в нашу среду прибыли из Сербии, Болгарии, Хорватии и Венгрии много кубанских казаков — эмигрантов 1920 года.

Вместе с ними приехали их жены и дети, новое пополнение казачества. Среди эмигрантов оказались отцы, сыновья, близкие родственники и друзья наших казаков, прибывших теперь с Кубани. Радостная встреча, сердечный прием и казачья дружба, возобновленная на чужбине, вызвали своеобразно-трогательное впечатление, с примесью некоторой горечи, сожаления и легкой грусти, с проблеском надежды на скорое и благополучное возвращение в родные станицы и хутора. Жены эмигрантов: сербиянки, хорватки, болгарки, венгерки, чешки и моравки, — наши новые кубанские казачки, — были встречены здесь с казачьим щедрым радушием и приветливостью, им оказывается родственное внимание, всяческая помощь и поддержка. Они жизнерадостны, веселы, трудолюбивы, общительны и искренно ласковы с казаками. Они сразу стали нашими и чувствуют себя своими, в своей среде, хоть и на чужбине; они также желают скорее поехать на далекую родину своих мужей.

Кубанцы всегда любили и любят труд и теперь на новом месте за короткий срок устроили свою жизнь по-трудовому. Все казаки с 18 до 45 лет служат в строевых полках на фронте, а казаки старше 45 лет и старики до 70 летнего, возра-

ста, способные носить оружие, состоят в охранном батальоне и несут караульную службу в гарнизоне станиц Кубанского отдела.

В Кубанском отделе оборудована православная церковь, и казачье духовенство активно участвует в общей нашей работе: выполняет все христианские требы, проводит в предпраздничные и праздничные дни церковное богослужение, обучает детей-казачат в школах и в детском саду Закону Божьему и ведет религиозно-нравственное воспитание.

Все дети вовлечены в учебные занятия по школам и детским садам. Классные комнаты оборудованы соответствующей мебелью и необходимыми пособиями. В школьной работе ощущается острая нужда в русских букварях и в учебниках по всем предметам для начальной школы. Квалифицированных и опытных учителей-казаков и воспитательниц для занятий с детьми Кубанский отдел имеет достаточное количество. Педагогический штат давно уже укомплектован, занятия проводятся по расписанию. Программы учебных занятий разработаны и утверждены Отделом Просвещения при Штабе Казачьих Войск и имеются по всем школам и детским садам.

Подростки-казачата в возрасте от 14 до 16 лет вовлечены в Военно-ремесленную школу, начальником которой является наш кубанский казак-есаул Заварыкин П. В. При наличии хороших мастеров из казаков школа ведет обучение подростков по разным специальностям и своей работой обслуживает нужды и потребности гарнизонных и полковых казаков и их семей. Кубанская Военно-ремесленная школа имеет следующие мастерские: сапожную, портняжную, слесарную, жестяную, кузнечную, шапочную, кожевенную, красильную, шорно-седельную, мыловарную и часовую. Оплата работ в мастерских производится по утвержденной таксе, а для бедных и малоимущих — бесплатно. В своей работе мастерские выполняют и починку готовых предметов и изделий, а также изготовление новых: обуви, шапок-кубанок, брюк с кантами, одежды всех видов казачьего и гражданского образца, белья, кавказских княжалов и ножен к ним, подков для лошадей, сапожных гвоздей, ведер, кастрюль, железных печей с трубами, казачьих седел с полным оборудованием, уздечек, недоузdkов, вожжей, кубанских поясов с наборами, казачьих плетей, хозяйственного и личного мыла, кожи-сырца, хрома, овчин и многое другое.

С успехом и доброкачественно мастерские делают: починку часов, окраску шерстяных и бумажных материалов, заливку галош, дубление и окрашивание овчин, изготовление разных инструментов, бритвы и стрижку и т. д.

Молодые казаки 16—17 летнего возраста направлены в учебную военную школу и в юнкерское училище для подготовки из них урядников и офицеров для казачьих полков.

В октябре месяце прошлого года при Кубанском отделе

организован Казачий курень с небольшой библиотекой и читальней. Он получает из Отдела Пропаганды около 90 экземпляров газет и журналов. Книг у нас вообще очень мало и далеко недостаточно для удовлетворения потребностей казаков. Хотелось бы в свою читальню получить сочинения П. Н. Краснова, произведения русских классиков, книги наших эмигрантов и русские газеты, издающиеся в Берлине.

В сентябре прошлого года, во время пребывания казаков в Польше, при Кубанском отделе были организованы войсковой казачий хор и духовой оркестр. В составе хора — 30 ка-

Группенфюрер генерал-лейтенант Глобочкин, командующий войсками, в которые входят и полки Походного Атамана.

заков, руководит им талантливый хормейстер с композиторскими дарованиями казак Широкий А. С. Хористы изучают теорию музыки и пения, разучивают казачьи и народные песни, церковные песнопения и молитвы. В 4-хголосном исполнении хора кубанские казаки с наслаждением ежедневно перед вечерней молитвой слушают родные песни Кубани и мелодии предков, отцов. Репертуар хора состоит из 50 казачьих песен и более 10 русских народных.

Сердце болью сжимается у многих, когда с чувством хор песню поет про мученья, казачьи тревоги в 33-й кошмарнейший год. Радость блещет в глазах огоньками, на чужбине все рады вполне, что опять заживут казаками, победив злых врагов на войне. Содержание этой песни такое:

Под свободные знамена добровольческих полков
От Кубани и от Дона шли отряды казаков,
Над полями Украины засверкали их клинки,
Вижу вновь, как на картине, бурки, шапки, башлыки.
Не за власть кремлевской клики, тунейдцев и жидов,
За народ казачьи пики будут бить большевиков,
За поруганную церковь, за расстрелянных отцов,
За погибших в 33-м всех кубанцев и донцов,
За спаленный край казачий, за станицы, хутора,
За детей и женщин плачи отомстить пришла пора.

Походный Атаман генерал-майор Т. И. Доманов и Начальник Штаба Главного Управления Казачьих Войск генерал-майор С. Н. Краснов

Для последней смертной брани собрались здесь казаки Дона, Терека, Кубани — православные сыны*).

Духовой кубанский оркестр под руководством капельмейстера подхорунжего Фисенко Ф. А. в своем составе имеет 15 музыкантов. Репертуар оркестра содержит: 4 казачьих гимна, 15 маршей, 16 вальсов, 6 песен, все казачьи танцы и много различных мелодий и композиций.

3 декабря для населения кубанских станиц и местных итальянцев был устроен музыкально-вокальный концерт. Самый большой зал нашего местечка не в состоянии был вместить всех желавших его послушать. Итальянцы, как народ культурный и глубокомузыкальный, с восторгом прослушали наш кубанский концерт, дали о нем весьма лестные отзывы и высоко оценили нежность наших мелодий, эмоциональность мотивов, оптимизм настроения, жизнерадостность ритма, гармоническую согласованность в работе хора и оркестра и убедительно просили повторить в другой раз концерт, что и было выполнено 10-го декабря.

Наш трудовой день своеобразен. Ежедневно, ровно в 6 часов утра, когда еще тускло кое-где мерцают на утреннем небе далекие звезды, так хорошо известные нам на покинутой Кубани, — дежурный трубач первым нарушает сонную альпийскую тишину, он будит кубанцев от сна и зовет на работу, на службу, на труд. Всюду все оживает и проводит обычный свой день до вечерней молитвы, после которой под звуки казачьего гимна кубанцы идут отдыхать. Их сон и покой по ночам бережет казачий охранный батальон.

Не забыта в кубанских станицах и забота по оказанию внимания и помощи больным, раненым и инвалидам войны, для них организованы казачий госпиталь-больница с амбулаторным лечением и приемным покоем, а для инвалидов — Дом инвалидов. В настоящее время больница уже имеет 15 коек, а в Доме нуждающихся в посторонней помощи живет 20 человек. Материальные нужды больных и инвалидов удовлетворяются полностью, присмотр за ними, лечение их и бытовое обслуживание проводится в течение круглых суток. Медицинского персонала для всей этой работы вполне достаточно. Лечебное дело крепнет, помощь оказывается ежедневная.

Для обслуживания санитарно-бытовых нужд казачьего населения заканчивается оборудование и ремонт общественной бани, которая в ближайшие дни начнет функционировать и даст возможность наладить гигиеническое состояние наших казаков и их семей в холодное зимнее время.

*) Это стихотворение принадлежит перу сотрудника газеты «Казачья Земля» В. Цымова. В нашем журнале оно было помещено в № 36 от 15 октября пр. г. (без подписи). В данное время «Под свободные знамена» исполняется как песня Войсковым хором под управлением Сапентьева. Мотив взят из старой кубанской песни «Лита галка коло болки», в аранжировке А. М. Листрового.

Мы куем кадры

Очерк

Продолжение*)

3.

Собственно и ничего особенного не было. Как все это получилось, я уже упомянул, теперь продолжу свое повествование.

Поднявшись вправо через бугор перед глазами юных казаков, непосредственно которыми командовал Поляков, раскрылось широкое холмистое пространство, поросшее смешанным лесом. Влево виднелось в ложине селение, посреди которого возвышалась старая угрюмая церковь, правее, спускаясь с холма, густой непрочищенный лес, который называют черным. Я как-то проходил мимо этого леса и, вспомнив это название, подумал, что и действительно он есть таким. Стволы черные, боковые ветви наполовину отмерли: сухие и колючие. Причем они так часто переплетались между собою, что пройти по этому лесу было нельзя. Между деревьями было всегда темно. Рядом с черным лесом стояли лиственные деревья. Они были выше и реже. Молодые березки блестели своей серебристой корой. Среди этого участка леса водились елки, которые казались веселее и наряднее, чем в гуще черного угрюмого леса.

Дорога спускалась вниз. Впереди — широкое плоскогорье, покрытое кустарниками и солончаками. Змейкой отделение Полякова спускалось с холма, перешло через грязный кочкарник и стало сворачивать правее. В стороне оставались конны ржи, белой полосой извивалась шоссе-ная дорога. Вправо полевая дорога шла на подъем. Миновал солончаковый кочкарник, на котором даже трава не росла, отделение снова стало подниматься на высоту между густыми кустами терна и хвойными деревьями. Снова та же картина: хлебные поляны, лес, места для пастбища, обгороженные проволокой, там и сям раскиданные деревья, домики, выстроенные из серого камня, отчего они казались старыми и скучными.

Поляков остановился. Казаки рассыпались между кустов. Показался скот, залаяла собака. Старик пас коров. Урядник направился к старику. Юные казаки устали и не придерживались строя. Забегали наперед, залазили на деревья, всматриваясь в голубую даль. Было ясно, что здесь лошадей не найти. Поляков снова остановился: посмотрел по сторонам, закурил. Вдруг что-то заметил.

— Остроушко, пойдн посмотри, что это под деревом зарыто, — приказал урядник.

Под деревом действительно земля была изрытой, поверхность свежей земли была расбросана трава и клочья конских волос. Подойдя к дереву, Остроушко обошел его кругом да и говорит:

— Господин урядник, тут какая-то дохлятина зарыта. Петька Корчагин, по прозвищу донской атаман, перебил его:

— Нет... господин урядник, это свиньи поизрыли.

— Неверно, — говорит «атаман»...

— Сам ты неверно говоришь.

Поляков подошел к дереву. Ноги вдавились в мягкую свежую изрытую землю.

— Ну-ка, «атаман», сломн-ка палку...

Остроушко первый стал копать. Урядник командует:

— Еще... Еще немного!

Юные казаки окружают дерево. Вдавил «атаман» в землю палку. За что-то запепилась. Он энергичнее стал копать. Показалась длинная цилиндрическая банка.

— Ой, бомба! — в испуге закричал «атаман».

Все отскочили от дерева. Совсем уже решили идти дальше, но совестно было обо всем этом рассказать товарищам. Что скажут они? Юные казачата боялись, что их назовут трусами.

Урядник первый подошел к дереву после короткого раздумья. Нагнулся и аккуратно стал руками разгребать землю.

— Так это... это не бомба, — говорит Поляков.

За работу принялись снова Остроушко, «атаман» и Петька Корчагин.

Из ямы вытащили двухметровую цилиндрическую банку. Раскрыли... Все от изумления вскрикнули. В жестяной банке были упакованы новенькие автоматы английского образца — легкие и коротенькие. Ручки были отняты. В этом же ящике было множество дисков с патронами. Казачата растерялись. Урядник прекратил раскапывать. «Склад будут охранять террористы. Как бы не застучали нас врасплох», подумал урядник. Стал расставлять посты кругом обнаруженного склада, а двух послал с донесением.

Остроушко занялся подсчетом трофеев, извлеченных из ямы. В длинной банке 19 автоматов насчитал. Окончил подсчет и задумался: «как присоединить ручку к автомату?»

Диск совсем просто вставлялся.

Наконец, Остроушко сообразил. Вдавил кнопку и со всей силы надавил снизу. Один автомат был уже с ручкой и заряжен. Взял курок и легонько надавил на спусковую пружину.

— Тр-рррр-ррр-р, — раздалось по лесу. Сразу диск разрядил. Теперь было уже не страшно. Урядник всем юным казакам вручил автоматы, приказал, как себя надо держать, что следует делать и чего не следует, а сам с «атаманом» и Остроушко приступил к дальнейшей раскопке.

Не успел урядник опомниться, как юные казаки открыли беспорядочный огонь из автоматов. Каждый хотел показать свое искусство стрельбы: стреляли по верхушкам деревьев, стреляли в голубую даль, по чистому полю. Эхо отзывалось в лесу. Эта беспорядочная стрельба была услышана в лагере, а через несколько минут прибежали с донесением юные казаки, посланные урядником.

Под деревом, в кустах, Остроушко и Поляков продолжали разрывать яму. «Атаман» — Петька Корчагин охранял со стороны дороги, посты стояли со всех сторон.

Старик, который пас коров, до смерти перепугался и не знал, что ему делать. Юный казак Петька Корчагин похаживает себе, помаленьку насвистывая песенку:

Тверже ногу, грудь вперед,

Дай дорогу шире,

Смелые донцы идут, нет их смелее в мире.

Зинитчики, зинитчики по улице идут,

Зинитчики, зинитчики играют и поют...

Показались велосипедисты. Корчагин перестал насвистывать и стал присматриваться, что делается в кустах. К старику подъехали велосипедисты. Это были французы. «Всех задерживать», вспомнил Корчагин слова урядника. Направился поближе к незнакомым и уже совсем собрался изо всей силы крикнуть: «Стоять, руки вверх!» Не успел он выйти на чистое место, как террористы застрочили из автоматов. Упал юный казак под пенек срубленного дерева, уткнувшись лицом в землю. Казаки притих-

*) См. № 40 «На Каз. Посту».

Генерал фон Панвиц производит смотр сотне юных казаков, прибывшей по окончании школы в 1-ю казачью дивизию. Генерала сопровождает полковник Кулаков, член Главного Управления Казачьих Войск от Терского Войска.

ли. Стреляли только террористы. Притихло. Ни звука. Длится минута. Опомнились казаки. Сразу из десяти автоматов юные казаки открыли ураганный огонь. Коровы в испуге поразбежались, дед пропал. Когда Корчагин выскочил на дорогу, то велосипедисты уже скрылись. Со злости вставил еще один диск и выпустил его вслед удаляющимся французам.

— Ишь пр... Мусье...

Простреленная пилотка у Корчагина и бледные лица у остальных — свидетели случившегося. Все стихло. На выстрелы прибежал с отделением юных казаков урядник Форостянка. Следом за отделенным Форостянко нагрянула вся 1-ая сотня... Семиглазов с отделением направился преследовать велосипедистов.

4.

Поляков и Остроушко работали, не покладая рук. Когда пришел Форостянка и Семиглазов, то пошло совсем другое дело. Опасность миновала. Можно было разрывать склад без опасения, что подойдут из-за кустов вторично террористы.

Весело напевает Петька Корчагин:

— Та-ра-ра-ра, раз, два-три,
«Максим» накати,
Подносчик, дай патроны,
Наводчик, наводи.

Слова песни подхватывают юные казаки, веселей звучит знакомый мотив песни. Громче и выше убегают слова.

Поляков протирает запотевшее лицо, обращается к Остроушко:

— Сколько автоматов?

— Двадцать...

— А вот еще, — Поляков показал на железную банку. Остроушко пересчитал в маленькой железной коробке, спокойно произнес:

— Всех будет двадцать семь...

— Теперь считай патроны. Пачками, в каждой пачке семьдесят патронов. Поляков снял китель и без рубахи стал вынимать из ямы банки с ампалом, ящики с мягким талом, шнуры, капсулы для ручных гранат, гранаты «лимонки» — другого образца было совсем мало. Перекислиновые шашки были отдельно. Более двух подвод выбросил Поляков из ямы взрывчатых веществ, сброшенных английским самолетом. Видно террористы не могли вывезти из леса и временно зарыли в землю. Остроушко не успевал пересчитывать содержимое в ящиках. В этот же день в лесу был найден большой прорезиненный шар.

Когда уже совсем близко подошел начальник школы, Поляков выпрыгнул из ямы, подал команду «смирно» и стал докладывать:

— Господин обер-лейтенант, найдена одна английская винтовка, двадцать семь автоматов, пять тысяч патронов, перекислиновых шашек..., тол четыре ящика, аманал, шнуры. Гранаты не успели пересчитать. Более двух сот.

— Юные казаки, хайль!

— Хайль! — оторвали казаки.

Начальник школы подает команду «вольно», благодарит участников лесной перестрелки. Пока осматривает окрестности, Семиглазов разыскал и привел старика, который ничего существенного не сказал, кроме как махал

головой и на вопросы отвечал: «У-ви... у-ви...» Французы к нему подъезжали. Он это не скрывал, но из какого села они были, он не знал.

Приехали подводы. Погрузили боеприпасы на две брички и повезли в лагерь.

Обед в этот день получали с опозданием, не во время. Все говорили только о смелом и находчивом поступке урядника Полякова, юных казаков: Семена Остроушко и «атамана». Взрывчатые вещества были отправлены в полк в тот же день.

Командир полка в приказе полку вынес благодарность всей школе, но особо подчеркнул роль урядника Анатолия Полякова.

Все же в лесу школе юных казаков оставаться было опасно. Снова распространялись слухи о переезде в город. Август приближался к концу. Погода установилась, дожди выпадали редко. Третий месяц школа жила в лесу. За лето юные казаки значительно подросли, окрепли, бурным румянцем загорела их кожа. Они попрежнему продолжали ходить в трусиках, а после обеда продолжали ежедневно купаться.

5.

Разговоры оставались разговорами... Первую сотню отозвали в город... для сдачи экзамена и передачи в учеб-

ную часть полка. На место первой сотни пришла третья. Жизнь школы ничем не была нарушена. Все проходит. Я не могу забыть юных казаков, с которыми я вместе жил, учил их, которые выросли на моих глазах. И все они для нас, старых казаков, дороги и всех их жалко. Сколько талантливых юношей прошло через эту школу. Вспоминаешь минувшее и на сердце так радостно... Радостно оттого, что недаром жизнь прожита. Для всех нас слова юного поэта, ученика этой школы, Алексея Задорожного являются лейт-мотивом:

Идем мы и духом крепимся,
Мы веселы, бодры, сильны,
Страданий, невзгод не страшимся,
И муки для нас не страшны...

Словами поэта я обращаюсь с призывом ко всем патриотам Родины и первый присоединяю свой голос к этому Всемогучему голосу...

России сыны молодые,
Вставайте могучей стеной,
Вставайте с оружием, родные,
На битву с советской ордой!

Посейнное семя во влажную почву даст хорошие всходы.
Мы верим.

В. Никонов.

ФАЛАНГА

Рассказ

(Окончание*)

Большой каменный дом стоял посреди просторной круглой площадки, обросшей по краям лозняком и камышом. Рядом расположился городок из каркасных, заполненных сырцовым кирпичом, бараків, палаток, навесов, сараев, где хранился инвентарь и жили десятки людей, вставших на борьбу с почвенными солями. Заведывающий участком, сам увлекавшийся делом, умел увлечь и своих сотрудников, уже обозначившийся по сравнению с прошлым годом успех окрылял людей и они работали с жаром, не зная, что скоро подует на верхах другой ветер, эlegantный молодой узбек-начальник слетит за связь с буржуазными националистами или еще за что-то; придет новый, страшного вида маленький чекист, и пойдет искать здесь и там вредительство; конечно, найдет, — а там работы закроются, и соли снова будут блестеть снежной коркой на промытых грунтах, разъедавая сооружения, постройки и полтора миллиона пародных денег.

Ирочка сидела на обращенной на север крытой террасе, держа на коленях доску с наколотой александрийской бумагой. Акварельные краски, кисточки, вода в стакане, белая фарфоровая тарелка, букет кроваво-красных маков в глиняной кружке, пленившей художницу своим теплым тоном — все было готово, только работай. Но ей не работалось, она лениво и неточно намечала карандашом очертания букета и все поглядывала на узбека, который с муравьиным терпением в четвертый раз укачивал маленький распахнутый кусочек земли возле площадки. Лошадь волочила доску, нагруженную камнями, узбек балансировал на ней, расставив ноги в белых бумажных штанах и мягких ичигах. Белая рубаха была распахнута до пояса, открывая длинный треугольник гладкого, темно-коричневого тела. Крошечная девочка в зеленом бархатном казакине сидела на земле на постланном у края пашни полосатом паласе, медленно поворачивала головку со множеством мелко заплетенных черных косичек и сидела за гортанно и тонко покрикивавшим на лошадь отцом. Пучек пушистых перышек шевелился на маковке ее, шитой пестрыми шелками тюбетейки, золотая сережка блестела в персиковом ушке. Ирочка стала набрасывать контуры кукольно-хорошенькой фигурки, оживилась, увлеклась, и дело пошло. Работать иначе, чем толчками, она еще не выучилась.

От рабочей кухни, за домом, доносились звонкие женские голоса, тянуло подным запахом саксауловых дров и горелым бараньим салом — до обеденного перерыва оставался какой-нибудь час времени. Золотистые, то изумрудом, то сапфиром отливающие на солнце сойки перелетали с одного гущегося под их тяжестью куста лозины на другой, резко вскрикивая и ссорясь за стащенные с кухни мясные

обрезки. Ирочка копчила контур и взялась за краски.

Кто-то скакал верхом по дороге вдоль арыка, то появляясь, то исчезая за камышами. Ирочка пригляделась и узнала Савватия, ловко и красиво сидевшего в седле. Он скрылся за густым лозняком у поворота дороги, и снова вынырнул на прямой, ведущей к дому. Что то романтическое почудилось девочке в лихо и весело скачущем под уверенным всадником коне. Савватий перешел на рысь, подъезжая к дому. Ирочка вскочила ему навстречу.

— Тебе записка от Ивана Ивановича, — крикнул он с седла, уснокаяивая темно-гнедого коня, порывавшегося скакать дальше, дальше по вольной степи навстречу вольному ветру. Конь встряхивал головой, фыркал, прятал уши и не хотел остановиться, нервно переступая стройными ногами.

Савватий достал из шанки записку. Отец просил прислать ему забытую на столе папку и сообщил, что к обеду они не придут, слишком далеко забралась.

— Как ты хорошо верхом ездить умеешь, — сказала девочка, — прямо казак.

— Казак и есть, джигит, — весело отвечал Савватий, засвистал и поднял коня на дыбы. Ирочка всплеснула руками, а Савватий уже неся галопом по площадке, пропал за домом, и снова вылетел с другой стороны.

— Это у нас Карабагир, самый лучший конь, — сказал он, похлопывая и оглаживая лоснящуюся, сильную шею гнедого, вздрагивавшего всей кожей и косившего глазом на седока. — Его купили, он топчий был, плохой, а теперь вон какой стал. Он и в упряжи ходит. Ну, под седлом лучше, понятно. Хочешь, я тебя буду учить верхом ездить?

— Хочу, конечно. А ты где выучился?

Мальчик усмехнулся.

— Я ж говорю тебе — казак, в седле родился. Только ты никому не рассказывай.

— Почему?

— А кому это знать надо? Я всем говорю — я тамбовский, и фамилия моя — Петров. А на самом деле...

Он оборвал, как давеча, когда упомянул о Кубани.

— Давай, ищи, ищи, что тебе отец прислать велел. Да обедать ему что-нибудь собери, там до вечера проканителются, что то с дренай случилось, вода прямо бьет.

Найти папку было просто, но собрать что-нибудь обедать оказалось сложнее. Ирочке никогда не приходилось ни о ком, даже о себе, заботиться, теперь она со стыдом видела, что не умеет ни придумать, что послать, ни упаковать. Кое как увернула она в газетную бумагу большой, расплывшийся пакет и выпесла Савватию на террасу. Он сидел и рассматривал ее рисунок.

— Это ты рисовала?

— Я, — сказала девочка, краснея.

*) См. № 1 (41) «На Казачьем Посту».

— Здорово. Только почему у нее одна нога длинная, другая короткая,

— Где? Это она так сидит, ноги подвернула.

Савватий с сомнением покачал головой.

— Что-то тут не того. Ну, все равно, я бы и так не мог. Ты все покрасишь?

— Ах, это же не называется покрасить. Это забор красят, а тут акварель.

— Знаю. Я, когда маленький был, все книжки раскрашивал такими красками. Ты думаешь, я всегда безпризорником был или при Булавине состоял? Нет, брат, и мы раньше как люди жили.

— Кто был твой отец? — осторожно спросила Ирочка.

— Кто отец? — Савватий помолчал. — Это все равно, кто он был. Он в тридцатом году... умер. А мать в тридцать третьем, понятно, — со странной улыбкой сказал он: в колодце она лежит, у нас в станице, и брат там, а сестренка не знаю где. Я тогда и ушел, мне двенадцатый год был. Голод не тетка, пойдешь. Вот уже пять лет скитаюсь, все перезабыл, чему дома учился. Теперь то мне повезло, может, выплыву. Булавин поможет.

Савватий рассеянно сгибал и разгибал продолговатую, косо срезанную на концах чертежную резинку. Ирочка невидящими глазами смотрела куда то поверх кустов, в душе у нее тяжело и смутно шевелились новые, непонятные впечатления.

— Ты смотри, не болтай, — сказал мальчик. — Я тебе верю отчего то, хоть ты и советская барышня.

— А ты разве не советский?

— Я элемент, — сказал Савватий, засмеялся и встал. — Ну, ты и завернула! Нет у тебя платка, что-ли, или салфетки?

Она принесла салфетку- мальчик завязал в нее нескладную посылку и ловко вскочил в седло.

— Счастливо, Савватий! — крикнула она.

— Прощай, душа! Я тебе ныне подарок принесу.

— Какой?

— Тогда посмотришь.

Савватий дернул повод, осадил коня, круто повернул его на задних ногах и поскакал, поднимая тучу пыли.

Вечером за ужином Ирочка была рассеяна, плохо ела и плохо слышала, что говорили за столом, освещенным яркой керосиновой лампой-молнией. С вечерним поездом приехала из Ташкента жена Булавина, толстая, веселая, беспечно уродовавшая стариковскими очками еще красивое лицо здоровой пятидесятилетней женщины. По слишком нарядному платью Ирочки, на котором не хватало пуговиц, по неуловимым недостаткам в манерах она сразу догадалась, что девочка выросла без матери. Заметила она и то, что Илья Арвидович особенно любезен с юной соседкой по столу, и что в его шутовском ухаживании нет-нет, да и промелькнет какая-то неподходящая нотка. Варваре Михайловне больно стало за эту чужую девочку, у которой, видно, было на душе какое то девичье горе или сомнение.

После ужина мужчины ушли к Ивану Ивановичу работать. Варвара Михайловна взялась перебивать чашки и бросила Ирочке через стол полотенце.

— А ты вытирай, — ласково сказала она. — Ничего, что я тебя Ириной Ивановной не величаю? У меня Леля в твоих годах, и еще целый выводок. Приедешь к нам погостить, познакомишься, веселее будет.

— Я не скучаю, — тихо ответила Ирочка.

— А невеселая. Не всегда же ты такая.

Ирочка покраснела под внимательным взглядом.

— Я сегодня все что-то думаю и додуматься не могу.

Она замолкла. Непривычная работа мысли утомила ее, слишком странно и ново было то, что она слышала от Савватия. Ничего то она не знала. Почему его мать лежала в колодце? Почему — понятно в тридцать третьем году? Она вспомнила, что тогда в Москве за хлебом были большие очереди, давали по карточкам, что-то она слышала, будто в провинции с двух часов ночи стояли за хлебом. Что же, голод, что ли, был на Кубани? И где, собственно, эта Кубань? Ученица 9 класса образцовой московской школы не очень то твердо знала географию России. Она отыскала у отца карту и, пошарив между Днепром и Каспийским морем, наткнулась на выразительно изогнутую линию стремительно бегущей с гор и разливающейся потоками по равнине реки, как бусинками, унизанной кружочками городов и больших станиц. Их названия напоминали ей то, что она учила о гражданской войне, небрежно прочитанные книги, «Железный поток», «Поднятую целину», Контрреволюционное казачество, сопротивление коллективизации, в общем — враги народа. Вероятно, и Савватий тоже враг народа.

— А, Саввушка, — прервал ласковый голос Булавиной ее тяжелые мысли. — Иди сюда, хочешь чаю? Ты с Ирочкой знаком?

— Знаком, тетя Варя, — отвечал Савватий, присаживаясь к столу. В руках он держал что то и поставил пакет на пол под столом.

— Он меня хочет учить верхом ездить, — сказала Ирочка, снова краснея.

— Дело, куда лучше, чем разными мыслями мучиться. Я вот старуха, а как начну думать, что да почему, так голова кругом. Ну, вы тут посидите, а мне еще вещи развязать нужно.

Она ушла и закрыла дверь. Савватий тихо засмеялся.

— Догадливая, беда, все сразу видит.

— Она о тебе знает?

— Может, тоже догадывается. Я не говорил. Ну, ладно. Смотри, что я тебе принес.

Он развернул бумагу и поставил на стол стеклянную банку. В ней сидела фаланга. Тяжелое брюхо грузно налегло на подобранные ноги, мохнатая, точно в свисающих усах, голова лежала на скрещенных клешнях, в одной из них был зажат какой то обрывок. Глаза с их непостижимым, несуществующим для человека взглядом злого насекомого не двигались.

— Хороша, а? — сказал Савватий. — Вредная, гадина. Знаешь, на кого она похожа?

— На кого? Ах!..

Девочка тоже увидела сходство и испугалась своей дерзости.

— Вот она тебе сейчас ручкой помашет.

Савватий постучал по стеклу. Обеспокоенная фаланга зашевелилась и стала вскидывать на стенку длинные клешни, пытаясь уцепиться за верхний край и вылезти. Но банка была плотно завязана проволоочной сеткой, фаланга скользила, падала на дно и снова поднималась, в бессильной ярости пробуя одолеть невидимую, но могучую силу, сковывающую ее.

— Где ты ее взял? — замирая от напряженного интереса и отвращения, — спросила Ирочка.

— А там, на узле.

— Это та самая?

— Не знаю, может и другая. Ты тогда сказала, что я испугался, мне и вправду немножко страшно стало. Вот я и пошел ее искать. Буду я всякой дряни бояться!

— Ну, не сумасшедший ты?

— Нет, — уверенно сказал Савватий и весело засмеялся. — Теперь и ты ее не боишься, как она в банке сидит, правда?

— Как же ты ее поймал? А вдруг бы укусила!

— Тут, знаешь, одна минута. Решился и не зевай, а будешь тянуть — конечно, укусит. Вот, дарю ее тебе, можешь ее тухлым мясом кормить и в свою школу пожертвовать, у них наверное нет.

— Если ты не сумасшедший, значит, ты герой, — твердо сказала она.

— Эка-загнула!

Он помолчал, светящимися глазами смотря на девочку. Он сам был доволен своей смелостью, а восторг, который он ясно видел в ее взглядах, подействовал на него, как вино.

— Это отец у меня был герой, — тихо сказал он. — Знаешь, что он был? Офицер, есаул. Он долго скрывался, в горы уходил, а потом его все таки расстреляли. Я его хорошо помню, хоть и мал еще был.

В наступившем долгом молчании только и было слышно, как царапалась в банке фаланга, да ночные бабочки стучались о лампу и падали на стол.

— Трудно тебе жить, Савватий, — прошептала, наконец, Ирочка.

— Бывает, — спокойно согласился Савватий. — Ну, ничего, не всегда же я подростком буду. Выросту, тогда...

— Что тогда?

Савватий не ответил, только усмехнулся и глаза у него блеснули.

Из дома вышла Варвара Михайловна и ахнула, увидев фалангу.

— Откуда она у тебя? Поди, руками ловил, как раков? Выдрать тебя мало, отчаянная твоя голова. Зачем она здесь? Убей сейчас же и выброси, слышишь?

— Нет, это моя, — вступилась Ирочка, — он мне подарил.

— Подарил? Эх вы, храбрый рыцарь и прекрасная дама! Вот так подарок!

И она рассмеялась так весело и звонко, что Ирочка и Савватий, сначала смутившиеся, переглянулись и тоже захохотали так, как только хохочут очень юные существа. Тяжелые мысли, сомнения, слишком ранний и страшный житейский опыт, — все отлетело от них в эту счастливую ми-

нугу. Прекрасная человеческая дружба возникла между ними, и оба, девочка и мальчик, радовались ей, радовались своей молодости и нетронутым силам. А вешее сердце смутно говорило им, что скоро понадобятся эти силы, что борьба ждет их, огромные задачи, поражения и победы, скоро, когда окончится их отрочество и они вступят в большую, трудную, великолепную жизнь.

Т. Левшина.

ОТ РЕДАКЦИИ

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их

РЕДАКЦИЯ НЕ ВСТУПАЕТ

В бурю рожденные

Рано утром солнце стояло высоко, проникая сквозь густые облака и высокие горы в узкую низменность, где казаки приготавливали лошадей к походу.

«Черкесы» — говорит о них с некоторой боязнью население. А бандиты в паническом страхе скрываются в горы. Вчера они уничтожили много банд, а поэтому сегодня наступил короткий отдых, т. к. в любую минуту нужно быть готовым к вылазкам хитрого врага. На горе виднеются силуэты людей. Это казаки. Вместо касок у них — кубанки. В бою сменяют их каски и тогда они ничем не отличаются от немецких солдат.

У вас странное суждение о казаках. Вам не верится, что они могут быть незаменимыми товарищами. Вы представляете себе скопление каких-то азиатов, большевиков-зверей, напавших и ограбивших население Восточной Пруссии, издевавшихся над людьми? Нет, это не так. У них нет ничего общего с ними, общее только то, что и они пришли к нам из советской России. Но они ярые противники большевизма. На протяжении десятилетий они ведут непримиримую борьбу с большевизмом. Спросите любого казака нашей 1-й дивизии, у каждого из них отсутствует член семьи, будь то брат или сестра, или же родители. С большевиками у них свои счеты. И когда весть о войне всколыхнула всю Европу, организовались первые конные казачьи дивизии. В бурю наших дней! Они добровольно пришли со всех концов для освобождения своей Родины. С Кавказа и Дона идя с нами, они уничтожали большевиков везде и повсюду, так как никто лучше их не испытал большевизм на себе. И они мстят.

Их не различишь от немецких солдат, когда они идут по улице. В бою — смелые, боевые, не знающие преград. Не раз им приходилось отбивать по 10 вражеских атак.

3 года мы вместе воюем. Уже не один рыцарский крест, не одна медаль и др. отличия украшают грудь казака.

Товарищ! Друг! Раз мы, вместе сидя в окопах, укреп-

лениях, не добились общего понимания, дружбы на века, того, к чему мы стремились?

В походе не прекращаются рассказы. Тем много. Вдалеке послышался выстрел. «Наверно бандиты засели» — сказал кто-то. Мы приходим в деревушку. Она почти пуста. На встречу идут женщины и дети. Мужчин забрали. Разграбили. Бандиты оставляют следы. Казаки заняли село — первая забота о лошади. Вторая об оружии. Остальное само собой придет. И ты, друг, не беспокойся. Ты будешь голоден, иди к ним. Он поделится с тобой последним куском сала и хлеба. Ничего, — говорят они. — Это ничего не значит. — Последнюю сигарету он делит пополам, даже если бы он целый день не курил. Он знает, что и ты для него товарищем будешь.

И в бою не иначе. «Поддай мне гранату, Василий! Враг сейчас будет наступать!». И действительно, в ту же минуту клубы дыма и пыли затемнили все. С громким криком бегут бандиты вперед. Но спокойны казаки. Подпустив врага на близкое расстояние, они ринулись в бой. Теперь проявилась настоящая злоба. Уничтожить! Выходи из землянок! Вперед! Бандиты бегут, оставляя все на поле брани.

В маленькой деревушке мы остановились на ночлег. Расположившись в грязных, запустевших избах, мы прислушиваемся к ветру. Огонь свечи то вспыхивает, то потухает. На стенках вырисовываются различных величин наши тени. «Ваня, принеси балалайку, сыграем!». И Ваня играет. Раздается мелодия донских и кубанских песен. «Выпьем, ребята, забудем все!». «Ты скучаешь, камерад, о семье думаешь? Иди к нам!». И казак подносит рюмку. Музыка оживает. На середину избы выскакивает один из них. Начинается пляска. Рассеивается мрачное настроение.

На дворе прохаживается патруль, всматриваясь в темноту, прислушиваясь к каждому шороху. Ржут лошади. Завтра снова в поход.

1-я Каз. Дивизия.

Нем. корреспондент Карл Курт Гампа.

КНИГИ ДЛЯ КАЗАКОВ

В Серии «Казачья Библиотека» готовятся к изданию следующие книги:

П. Н. КРАСНОВ. Исторические очерки Дона, часть 2-я, книга 4-я.

«ПУТИ КАЗАЧЕСТВА», сборник статей.

А. ЯГАНОВ. В Первой Казачьей (О 1-й Казачьей Дивизии).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ «СПОЛОХ».

В. НИКОНОВ. Мы ищем кадры (Школа юных казаков).

Вышла из печати повесть МХАИЛА БОЙКОВА

«ГОРНЫЕ БРАТЯ»

с иллюстрациями худ. В. Ткачева.